

ДО САМОЙ НЕИЗВЕСТНОСТИ

18+

КАТРИН КОРР

Катрин Корр

До самой неизвестности

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Что происходит потом, когда два человека совершают ошибку? А может, это не ошибка вовсе? Что, если так и было задумано кем-то?

У всего есть свой смысл и свои причины. Все наши планы, решения и действия определенно ведут нас к конкретному результату, суть которого не сразу становится ясна.

К чему может привести одна встреча двух совершенно незнакомых, но таких близких людей? К ошибкам, которые ни за что не исправить? Или настоящему чуду, что навсегда свяжет их друг с другом и приоткроет дверь в пугающую неизвестность...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Катрин Корр

До самой неизвестности

Пролог

Что такое любовь?

Может, прикосновение?

Да. Оно самое. Когда хочешь касаться человека. Вот так: пальцами, губами... Не боишься нарушить его зону комфорта, просто протягиваешь к нему руку и только регулируешь силу этого касания. Оно может быть легким, едва ощутимым, а может заключаться в настолько крепкой хватке, что после себя обязательно оставит болезненный след.

Любовь – это уважение, искренность, доверие, благодарность и ответственность...

Да чепуха это все! Слышите? ЧЕ-ПУ-ХА!

Можно жениться или выйти замуж за человека, которому вы благодарны, которому вы доверяете, уважаете, чувствуете свою ответственность, но это ничто, когда вы не хотите касаться его! Это не та любовь, о которой каждый-каждый-каждый грезит в самых глубоких и самых потаенных своих мечтах. Это не то чувство, когда хочешь растворяться. Когда хочешь падать в пропасть и успеть схватить *того самого*, с кем этот полет можно разделить.

Отбросьте все эти благодарности и уважения, что – да! – важны, как колеса автомобилю. Без них он естественно не поедет. Но, послушайте! Ведь можно как в том мультике про семейку Флинстоунов! Просто проделать дыру в днище, просунуть ноги и вместе «топать» в самом охрененном автомобиле, которым владеют немногие. Вот это и есть *любовь*. Когда без этих чертовых колес, которые всем так нужны, *ваш* автомобиль едет. Когда все эти правильности в шоке переминаются с ноги на ногу, а вы просто касаетесь друг друга и понимаете, что без этих прикосновений вас разломает на части. Нет, это не похоть. Не сиюминутное желание, которое следует немедленно удовлетворить. Это все аккуратно и бережно. К кончику носа, к краешкам глаз... Именно так и на целую вечность.

Глава 1

Я замерзаю.

На улице ветрено, дождливо, хмуро. Холодный воздух пропитан неприятным запахом поездов. Дышишь им и задыхаешься. Он, как дым от сигарет, проникает в волосы, в кожу, цепляется за ткань одежды. Такой раздражающий, что хочется вылить на себя несколько флаконов с гелем, шампунем, мылом – да, что угодно, лишь бы это зловоние исчезло.

Мои пальцы заледенели. Я прячу их в карманы парки, сжимаю кулаки, но тепла совершенно не чувствую. Откуда ему браться, когда всё во мне как будто засыпает снегом? Я не могу припомнить такого своего состояния. Паршивого, как будто меня обманули.

Поднимаюсь по серым ступенькам в здание железнодорожного вокзала. Голову не поднимаю, капюшон на мне глубокий. До моего отправления еще полчаса, поэтому если останусь ждать на улице – замерзну насмерть. Остановливаясь у серо-коричневой стены и сбрасываю на пол свою сумку. Я бы присела куда-нибудь, но здесь в просторном холле нет ни одной скамьи. Они все там, дальше, где уйма всяких ларьков с журналами и сувенирами. Но туда я не пойду. У меня как будто все силы остались в той квартире, где на меня, наконец, снизошло озарение.

Грузовики. Они всегда маячили перед глазами.

«Немецкое качество!» – кричат рекламы.

«Мне нравится имя Кирилл, а тебе?»

Футбол.

Аэропорт.

Сколько еще слов, выражений и деталей вынуждали что-то во мне шевелиться? Мое тело и разум инстинктивно реагировали на всё это. Возможно, что я неосознанно тянулась или притягивала к себе эти подсказки. Почему? Потому что восемь лет назад это был *он*! Тот, с кем я буду девочкой, с кем мой поганый характер превратится в скромную лужицу. Вселенная как будто специально подбрасывала мне их и явно поражалась моему исключительному дебилизму. О, я не удивлюсь, если там наверху делали ставки на мои решения, выигрывая супер-полироль для своих нимбов, чтобы те сверкали еще ярче, ведь я на протяжении длительного времени просто бездействовала.

«Делаем ставки, ангелочки! Кто за то, что эта глупая смертная свяжется с этим человеком до его свадьбы?»

«Ставлю на то, что она сделает это именно в день его свадьбы! Не раньше, не позже!»

«Но, послушайте, ведь мы засыпали её подсказками и знаками. Ваша ставка слишком точна и маловероятно, что сыграет!»

«Бросьте! Сколько лет мы делаем это, а она все никак понять не может очевидного. Вы ведь и сами знаете, что она притягивает к себе сложности. Она никогда не выберет про-

стой путь, а всегда свернет туда, где полным-полно преград. Поэтому, я и ставлю на столь исключительную точность, ведь этот путь окажется самым сложным и тяжелым!»

А спустя время:

«Надо же! Вы оказались правы! Она сделала точь-в-точь как вы и предсказывали! И теперь в вашем распоряжении нескончаемая супер-полироль для нимба и бальзам-ополаскиватель для ваших крылышек, чтобы они всегда были мягкими и шелковистыми! Еще никто и никогда не срывал такой куш!»

И небеса трещат от оглушительных аплодисментов!

У меня едет крыша. Мне хочется топтать ногами, кричать и истерить ведь это всё – какая-то гребаная несправедливость! Так не должно было быть, чтобы я своим крошечным мозгом не додумалась послушать себя, свое сердце и просто написать человеку, к которому меня так непреодолимо тянуло! Ну, неужели так сложно было послать свою долбанутую ответственность, у которой не было еще ни рук ни ног, в самую задницу мира и продолжать общаться с человеком, чей взгляд...

Какой же у него взгляд. Он захватил меня еще тогда, восемь лет назад, и надо было, – Катя! – надо было понимать, что это все не просто так. Я чувствую вибрацию в кармане парки и очень надеюсь, что звонит не мама. Здесь по громкоговорителю объявляют о прибытии поездов и если она услышит этот протяжный голос, то я уже никак не смогу правдо-

подобно врать. Я слишком устала.

На дисплее телефона фотография Иры.

– Привет.

– Привет, Катюш. Ты как?

Хреново.

– Да пойдет.

– Как твои дела?

Погано.

– Тоже так.

Она молчит, я тоже. В моей голове томится образ Кирилла, вроде бы цельный, объемный, а потом раз – и растворяется в воздухе, как табачный дым. И мне не зацепиться за него, никак не удержать, потому что он – не мой. Потому что я опоздала. Потому что как идиотка полагала, что всё делаю правильно.

– Катюш?

– Мм?

– Ты что, плачешь?

Совсем нет. Даже не думала. Хорошо, что капюшон глубокий и я стою лицом к стене.

– Знаешь, я такая дура... Можно смело сказать, что у меня дефицит серого вещества.

– Эй, ты что... Катюш...

Я шмыгаю носом и безразлично опускаю рюкзак на сумку. Конечно же, тот валится на пол, но я не спешу поставить его ровно.

- Все нормально. Я хочу в поезд уже скорее и лечь спать.
- Увидимся же на днях? Позвонишь мне?
- Конечно. Но не завтра.
- Да-да, как сможешь и захочешь... Если вдруг что – набирай, хорошо? Я приеду.

Мы прощаемся и, снова шмыгнув, я прячу телефон в карман. В моем купе занятым оказывается одно нижнее место, напротив меня. Женщина с деловым видом и кучей бумаг не обращает на меня внимания, а сразу принимается за чтение документов. Должно быть готовится к какой-нибудь конференции. Я расстилаю хрустящее белье и наверное впервые не протираю полочки у своего места, столик, ручки от пыли и микробов, которые всегда приводили меня в ужас. Не помню, чтобы когда-нибудь за все мои многочисленные поездки, я поленилась вскрыть огромную упаковку влажных антибактериальных салфеток и пройтись ими по всему, к чему я так или иначе могу прикоснуться. А сейчас всё равно, появятся ли у меня прыщи от грязи, что соберется на моих пальцах, или будут ли в воздухе летать частички пыли, когда я пошевелю конечностями... Всё равно. Мне сейчас так всё равно.

Подключаю наушники к телефону и отворачиваюсь к стенке, чтобы мое заплывшее от не прекращаемых и тихих слез лицо никому не было видно.

Где я была раньше? Что было в моей голове?

«Значит, так и должно было быть» – слышится мне чей-то голос.

Да черта с два! Как обычно, я просто не туда свернула. Все идут своей дорогой, знают её, как будто уже шли по ней когда-то, а я же частенько сворачиваю не туда. И, пожалуй, тогда, восемь лет назад, меня вообще занесло на чужие земли.

* * *

6 часов назад

После ухода Кирилла я долго лежала на кровати и смотрела в белый потолок. Я слышала как яростно завывал ветер, как громкий рев самолетов пролетал над самой головой. Я замерзала в свитере и теплых носках под легким одеялом. Не будь мои мысли одурманены воспоминаниями о прошлой ночи, я бы точно позаботилась о том, чтобы как можно скорее согреться, ведь стоит мне только промерзнуть хорошенько, как я тут же заболела. Но я продолжала лежать в постели с окоченевшими от холода пальцами на ногах, ледяным носом и слабой дрожью в теле.

Мне не верилось, что я находилась в Перми. По-прежнему мое сознание отказывалось понимать, что несколько часов назад парень из Шереметьево лежал здесь, рядом со мной и молча смотрел в мои глаза.

О чем он думал? Тогда ли появилось это слабое зарождение сожаления, что я заметила перед уходом в его голубых, но вдруг поникших глазах?

Постаравшись взять себя в руки, я, стуча зубами, приняла

душ, а после спустилась в итальянский ресторанчик, что находился на первом этаже соседского дома. Нехотя закинула в себя немного пасты, выпила зеленый чай и изо всех сил старалась не погружаться в свои мысли еще глубже.

«Как ты?»

Несколько минут я тарасилась на сообщение от Кирилла, потом долго смотрела на его статус «В сети», почему-то отказываясь верить, что он написал мне и ему было до меня какое-то дело.

«Пойдет. А ты?»

«Так же. Что ты делаешь?»

Я огляделась.

«Спустилась вниз, перекусила. Сейчас обратно пойду».

«Я приеду?»

Мое сердце подскочило к самому горлу. Пару минут назад я совершенно не чувствовала холода, согревшись горячим чаем. А теперь снова...

«Конечно».

«Через 15 минут буду».

Я наспех расплатилась за завтрак и пулей устремилась в квартиру. Невозможно было побороть эту дурацкую дрожь в теле, потому что холод и волнение во мне как будто замутили какой-то зажигательный микс. Я растирала ладони, металась от одного зеркала к другому, выпила два стакана воды и как полнейшая идиотка шептала себе, что необходимо успо-

коиться и вести себя, как взрослая девочка. Мне не шестнадцать лет, чтобы испытывать такие сверх-эмоции, когда от предвкушения встречи с молодым человеком сносит крышу. Мне двадцать семь. Я взрослая. Уже разведенная. Самостоятельная.

– Взрослая, разведенная, самостоятельная...

Домофон издал громкий звонок, и я, на заплетающихся от волнения ногах, побрела в прихожую. Нажав на кнопку, я открыла все двери и снова, как и вчера, точно трусливый заяц, спряталась за выступом у лестницы, прислушиваясь к доносившимся из коридора звукам.

Когда Кирилл закрыл за собой дверь, мое тело как будто покрылось плотным слоем железа. Я не могла ни двинуться, ни моргнуть.

– Привет, – сказал он мне тихо, обнаружив меня у лестницы. – Ты чего?

– Я тут... Ничего. Привет. – Поставив руки в боки и вцепившись пальцами в бедра, я улыбнулась. – Как... Как дела?

Я чувствовала себя глупо. Мне никак не удавалось сжать челюсти так, чтобы не был слышен стук собственных зубов.

– Хорошо. – Кирилл стоял напротив и снова долго и молчаливо смотрел на меня. Этот взгляд прожигал меня, как сигарета салфетку, я понятия не имела, что творилось в его голове и это несомненно вынуждало тревожиться еще сильнее. Я вообще не понимала, как мне удавалось стоять на собственных ногах, когда всё внутри так сильно вибрировало. –

Ты не голодная?

– Нет. Я покушала.

Его руки вдруг сомкнулись на моей талии и притянули меня к себе. Теплые, а потом такие крепкие объятия разломали мое существование в ту секунду на самые щепки. Я обмякла, превратилась в губку, которую смочили водой.

Он поцеловал меня. Мои ласточки разлетелись по комнате, тихонько кружили вокруг нас, пели. Я теряла силы, а потом из неоткуда находила их вновь и так миллион раз, пока в какой-то момент не поняла, что мы снова сплелись на этих белых простынях и не можем оторваться друг от друга. Мое сознание отключалось, когда я чувствовала тяжесть руки на своей шее. Меня неумолимо поглощало, тянуло, засасывало куда-то очень стремительно и я нисколько не противилась этой силе. Я открывала глаза и сквозь мутную пелену видела его взгляд: темный, диковатый, страстный и такой... Родной. Между нами как будто собиралась огромная игрушка Лего и каждая деталь в ней была отточена и идеальна. Мое тело болело, ныло под самой сладкой и плавящей всю меня тяжестью. И зависнув на мгновение в космосе, воспарив над вселенной, я глубоко вдохнула горячий воздух с губ Кирилла и провела пальцем по его щеке.

Не отпускающий меня взгляд светился живостью. Кирилл часто хлопал ресницами, тяжело дышал и смотрел на меня так, словно что-то понял, осознал и не знал, как поделиться этим со мной.

– Всё хорошо? – спросила я шепотом.

Кирилл кивнул.

– О чем ты думаешь? Как будто... Как будто что-то не так.

Я заметила, как уголки его губ чуть поднялись. Он осторожно перекатился на бок, но по-прежнему глядел на меня. Молчал. Моргал. Смотрел.

– Когда ты молчишь, я нервничаю. Лучше скажи мне что-нибудь, но только не делай так... Я как будто что-то не то сделала. То есть... Я давно уже не то делаю.

– Все хорошо.

– Мм. – Я увела взгляд в сторону.

– Не понимаю, что в голове творится.

Наши глаза встретились. Я чертовски не хотела, чтобы его возможное *сожаление* вновь проникло в мои мысли.

– Да. Есть такое.

– Ты думала, что так будет? Что это произойдет?

– Не знаю... Я только хотела увидеть тебя, чтобы... – я нервно усмехнулась, побоявшись признаться в своих странных желаниях. – Почему ты сейчас приехал?

– Захотел. Я не могу не думать об этом, зная, что ты здесь. В Перми, – уточнил он с легкой усмешкой.

А потом мы снова замолчали. Тишина длилась так долго, что стала ощутимо покусывать кожу. Я перевернулась на живот, подобрав под себя одеяло, и уставилась в голубые глаза.

– Если хочешь сказать мне что-то – скажи, пожалуйста. – Я прочистила горло и заправила прядь волос за ухо. – Я ведь

больше не приеду сюда.

– Ты уверена? – вдруг резко спросил он.

– Думаю, да... Всё, что случилось, это очень... Странно и неправильно. Чертовски неправильно, но...

– Но?

Я часто заморгала.

– Ты жалеешь?

Кирилл вдруг улыбнулся и опустил веки.

– Ни капельки.

– Тогда, почему ты так смотришь на меня, словно...

– Словно что?

Я – твоя самая страшная ошибка.

– Я всегда такой, говорил уже. Сдержанный, неразговорчивый. Но это не значит, что внутри меня ничего не происходит. Я просто привык держать все в себе.

– Зачем?

Он пожимает плечами.

– Мне сложно осознать, что ты здесь. И всё, что с этим связано... Это что-то необъяснимое. Мне понадобится время... Понимаешь?

– Конечно, – тихонько сказала я, в сотый раз поспешно прокрутив в голове наше знакомство восемь лет назад и то, к чему оно привело на сегодняшний день. – Мне тоже.

А потом он снова резко поднялся с постели, как и несколько часов назад, оставив меня одну с разбросанными подушками. Задумчивое и отстраненное, его лицо все равно натал-

кивало меня на мысль о глубочайшем сожалении, что спешит нахлынуть сразу же после *падения*. Пока он поспешно натягивал на себя одежду, подбирая её с пола, я как зачарованная глядела на его грудь и торс, покрытые густыми темными волосами. Я поймала себя на мысли, что этот парень – реальный мужчина. Тот, что был мифом, а теперь стал реальным. Сильный и глубоко-задумчивый, внешне крепкий и (боги!) мохнатый – как раз то, что делает мужчину – мужчиной. Высокий ростом и собственным «я», что остановившись рядом, покажется, будто вот-вот и он просто разломает вас на части. Такому не получится перечить, да и не захочется, ведь он в миллион раз сильнее и одержать над ним верх не удастся в любом случае. Даже не совершая какие-либо наглядные действия, он будет подавлять. И это давление... Оно делает из меня ту девочку, какой я, разве что в мечтах, могла быть. И Кирилл именно такой.

Черт возьми, это ведь он!

– Кушать не хочешь? – спросил он меня, положив на кровать мои вещи и белье.

– Нет. Ты хочешь, да? Там пицца осталась внизу...

Кирилл молча покачал головой и слабо, но по-доброму улыбнулся.

– Уезжаешь?

Он пожал плечами и с осязаемой грустью усмехнулся.

– Это всё так... Катя, это невысказано. Я в принципе много не говорю, но здесь вообще слов не подобрать. Что это и...

– Я ничего не прошу у тебя. Не надо объяснять мне что-то, я и так все понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Это всё, – с нервной улыбкой оглядела я комнату, – можно обозначить одним матом. Одним словом. Не знаю, как это произошло. Вообще всё! Не только то, что здесь было. А с самого *начала*.

– Я хотел. Не приехал бы сюда, если бы не желал снова тебя увидеть... Но есть вещи, которые я *пока* не могу себе объяснить. Во сколько поезд?

– В три. – Хотела добавить слова протеста, мол, не стоит меня провожать и всё такое, но в ту же секунду поняла, что Кирилл и подумать о таком не смел. Я прикусила язык. – Иди вниз. Я оденусь и спущусь.

Кирилл молча кивнул и всё с той же импульсивной резкостью спустился на первый этаж, а я же, погруженная в собственную пучину самых необъяснимых мыслей, небрежно одевалась, не в силах увести взгляд от крошечного темного вкрапления на светлом полу. Ко мне неизбежно подкрадывалось чувство утраты. То неприятное ощущение, когда опаздываешь на рейс или забываешь в номере отеля что-то очень важное, а вернуться уже не можешь. Я тряхнула головой, расправила низ туники и на выдохе спустилась на первый этаж.

Он стоял лицом к широкому окну, и мои глаза не упустили возможность хотя бы пару секунд полюбоваться видом

его точеной и крепкой фигуры. Но вдруг Кирилл обернулся и оглядел меня поспешным, но теплым, как летняя ночь, взглядом.

– Всё хорошо?

Я кивнула, остановившись на последней ступеньке. Потом со странным порывом спрыгнула на пол и подошла к столу, чтобы налить в стакан воду. Внезапно крепкие руки обхватили меня со спины и прижали к твердому, но чертовски горячему телу.

В этой колющей тишине я едва не подавилась от переизбытка нахлынувших на меня чувств. Мои челюсти сжимались, мышцы лица ныли, ведь я так старалась не заплакать от этой убивающей меня безысходности. Я знала, что потеряла свой шанс восемь лет назад. Я понимала, что человек, о котором вселенная не давала мне забывать, больше никогда не обнимет меня вот так, потому что я всего лишь оставшийся без внимания малюсенький момент из прошлого, не более. Мы поговорили вчера, мы смотрели друг другу в глаза и оба понимали, что ничего изменить уже невозможно.

Возможность быть с этим человеком навсегда для меня утеряна.

– Я хочу обнимать тебя *так*, – прошептал Кирилл. Он уткнулся носом в мои волосы и громко задышал. Потом усмехнулся.

Ничего не ответив, я просто развернулась к нему и крепко обняла. Мои пальцы впивались в его шею, нос жадно вдыхал

самый теплый и уютный запах на свете, а мое сердце то замирало, то вдребезги разносило грудную клетку.

– Напиши мне, пожалуйста, когда сядешь в поезд.

Я промолчала.

– И когда приедешь в Тюмень.

Я усмехнулась.

– Твой запах – теперь мой самый любимый.

Глубоко-глубоко я заревела.

Глава 2

На станции в Екатеринбурге поздно ночью выходит моя деловая соседка. Когда шлейф её сладкого парфюма исчезает из купе, я закрываю дверь на щеколду и отключаю авиарежим в телефоне. Через несколько секунд на дисплее загораются уведомления из «Инстаграм», «Вайбера» и ставшего таким родным WhatsApp. Пять часов назад я всё же написала Кириллу сообщение, хотя совершенно не видела в этом никакого смысла. Зачем ему знать, что я уже в поезде? Чтобышний раз не додумывать, а не прибил ли меня какой-нибудь таксист и не закопал в лесу? Я не стала дожидаться ответного сообщения, хотя видела, что статус Кирилла был «В сети». Включив авиарежим, я с жгучей, как самая термоядерная горчица обидой, отвернулась к стенке и пролежала так, пока поезд, наконец, не сделал длительную остановку здесь, в Екатеринбурге.

«Хорошо. Надеюсь, купе женское?»

Я усмехаюсь.

Опять сообщения. Снова буквы создают слова, которые не удастся услышать. Мои глаза закрываются, а мозг ставит пластинку с голосом, который я хочу слушать вечно.

«Я хочу обнимать тебя *так*».

Челюсти сжимаются. Невозможность получить то, что до крайней степени сумасшествия жаждет тело и разум – раз-

рушает, губит, убивает. Тут же сыпятся сожаления, обиды, жалость к самой себе, а чувство вселенской несправедливости визжит в центре этого жуткого хаоса, что творится во мне сейчас.

«Катюш, спасибо, что ты приехала. Спасибо, что ты есть... Мне нужно время, чтобы всё это осознать и принять что ли. Я не знаю пока, как это сделать. Я многое сказать тебе хочу, но не могу, понимаешь? С тобой я не узнаю себя... Это сложно объяснить. Ты к моей жизни плюс 20 лет прибавила! Я знаю, есть вероятность, что нам придется прекратить общение, но я не хочу, чтобы это случилось. Я не хочу, чтобы это было навсегда... Я хочу знать, что ты, как ты, где ты? Всё, что между нами – какое-то странное, нереальное. Я не могу слов подобрать, потому что никогда прежде даже подумать о таком не смел. Ты космос мой».

Меня обдает теплом. Глаза вновь и вновь проходятся по буквам, а сердце то колотится, то замирает. С этим человеком оно работает именно так.

«Как ты? Думаю о тебе».

Новое сообщение заставляет замереть. Я и подумать не могла, что когда-нибудь буду чувствовать это сладкое волнение, щекочущее кожу, от простой переписки. Хотя, нет. Это не простая переписка. Все это вообще не *просто*.

«Тоже думаю о тебе. Остановка в Екб».

«Приедешь домой – сообщи мне, пожалуйста. Об-

нимаю тебя».

«Прижимаюсь».

Я вновь ставлю авиарежим, боясь сама не зная чего. Возможно собственной импульсивности, что может заставить меня написать то, что ему знать не следует.

«Я была душой! Черт, Кирилл, просто конченной душой! Из-за моей трусливости и эгоизма я украла восемь лет жизни у человека, который все эти годы пытался примириться с моей вредностью. Я лишила себя и его возможности быть счастливыми! И я упустила тебя».

* * *

Для встречи с Ирой мне понадобилось несколько дней. Она звонила мне, интересовалась делами, самочувствием и предлагала пройтись по магазинам. Полагаю, она и без моей помощи выбрала бы для себя прекрасную осеннюю шапку, однако не в этот раз. Я понимаю, что её катастрофически интересует причина, по которой я неожиданно-негаданно отправилась в Пермь, а меня саму буквально разрывает от эмоций и чувств, которыми нужно с кем-то поделиться. Мне это действительно нужно и прежде всего для собственного здоровья.

Мы встречаемся в огромном торговом центре, ходим из одного бутика в другой, пока Ира не находит ту самую вязаную шапку с бело-серым пушистым бубоном, которая так

идеально подходит к её новому пальто. После покупок, как и всегда, мы усаживаемся в каком-нибудь заведении и обедаем, пьем ароматные чай и болтаем о... Привычные темы сегодня вообще не будут затрагиваться, потому что есть одна – чертовски сумасшедшая.

С Ирой мне легко говорить о Кирилле. Точнее, я рассказываю обо всем, что с ним связано, а она только глазами хлопает и есть забывает.

– Охренеть. Просто... Охренеть! – ахает она в изумлении. – Черт... Знала бы, что такое будет, так вино бы заказали!

Я хмыкаю и опускаю глаза в свою тарелку с остывшей пастой.

– То есть, ты хочешь сказать, что все эти годы этот парень из твоей головы не вылезал?

– Нет, он вылезал, конечно, но незамедлительно возвращался.

– Черт! – снова ахает подруга. – Я тут думаю, что моя личная жизнь – полнейшая засада, а тут такое! Божечки, ты все эти годы любила его?!

– Никого я не любила! Просто помнила о нем и всё.

– И почему же ты о нем помнила? – сощуривается она. – Я без всякого, просто ответь: зачем ты искала его страницу в день своей свадьбы?

Поджимаю губы.

– Потому что хотела увидеть его, – честно отвечаю я. Че-

го врать то? – Я хотела увидеть его глаза, может, хотела убедиться, что его личная жизнь сложилась, как надо.

– Типа, увидеть на его аватарке фотку, где он обнимает какую-то девушку?

Пожимаю плечами и продолжительно вздыхаю.

– Наверное. Не знаю. Не помню. Да и это не столь важно. На данный момент меня мучает кое-что другое. И я думаю, ты прекрасно знаешь, что именно.

Ира едва заметно кивает и уводит взгляд в сторону. На самом деле, я очень жду, что она как следует пройдётся по мне. Хочу услышать от неё ругательства, грубости – всё, что угодно, но только чтобы это так или иначе вынудило меня ещё больше осознать степень своей бессовестности. Но подруга молчит. Она с какой-то странной для меня полуулыбкой ест остывший рис с овощами и украдкой поглядывает в мою тарелку.

– Может, уже хоть как-то прокомментируешь то, что я рассказала тебе? – не выдерживаю я. – Ты можешь есть и негодовать.

– Негодовать? – смеется Ира. – С чего это? Думаешь, то, что ты переспала с женатым парнем, должно меня хоть как-то удивить? То есть, я, конечно же, удивлена по самые яйца, если бы они у меня были, но... – Ира замолкает и снова загадочно улыбается. – Я просто знаю тебя, Кать. Ты до ужаса правильная. Да настолько, что блевать иногда хочется.

– Я ожидала другого.

– А чего же? Что я стану разносить тебя в пух и прах, узнав, что ты занималась сексом с чужим мужиком?

– Надеялась.

– И зачем мне это? – улыбается Ира. – Я понимаю, что есть вещи, которые делать никак нельзя, что они предосудительны и всё такое. Но этого не случилось бы, если бы кто-то из вас этого не захотел. И я вижу твои глаза.

– Они красные, я знаю. Не могу толком спать, а когда думаю о том, что было... Я сразу же вспоминаю маму. Черт! Мой папа делал тоже самое, что и Кирилл.

– Я вообще-то не про это. – Ира снова смотрит на меня. – Тебе понравилось.

– Секс? О! – я нервно хмыкаю и прикрываю рукой глаза.

– Он самый. Что скажешь, он был таким же, как и с Димой?

Не знаю почему, но мои губы сами по себе расплзаются в довольной улыбке. По правде говоря, мне стыдно за это. Страшно стыдно, но я никак не могу заставить себя удерживать эту виноватую маску.

– Вот видишь, – кивает Ира и выпивает остывший чай. – Твое довольное выражение лица говорит красноречивее любых слов. И всё же... Я хочу знать подробности?! – заявляет моя подруга, потирая ладошки. – Как и что?!

– Фантастично, – отвечаю я после некоторого молчания. – Просто... Я поняла, *что* это.

– Что? – хлопает Ира глазами. – Оргазм?

– Вообще... Чувство это, когда летишь в пропасть. Когда хочешь, чтобы он был ближе настолько, что мог бы и раздавить тебя. И взгляды... Ира, – обращаюсь я не своим голосом, – ты представляешь, какое значение имеет визуальный контакт?

– Во время секса?

– Это даже не секс... Это что-то другое, я не знаю, как объяснить. Это как будто какой-то свой космос между двумя людьми. Я раньше это воспринимала за физическое действие. Грубо говоря, бессмысленное трение. А здесь просыпается инстинкт. Здесь тело отключает мозг и делает именно то, что серое вещество бы явно запретило. И самое удивительное, что когда этот космос заканчивается – непременно хочется ещё.

– Та-а-а-к. Оргазм прошел и надо опять? В смысле, опять хочется?

Я молча киваю.

– Вау! Послушай, а у тебя же Дима один был, да?

– Угу.

– И как это, когда ложишься в постель с другим? Черт, я не могу пока правильно сформулировать...

– Я поняла, о чем ты. Всё абсолютно по-разному. Совершенно разное отношение к телу, к тебе, к самому процессу... Здесь оно такое диковатое, но в то же самое время очень заботливое что ли. Необузданное и... – Я замолкаю и тяжело вздыхаю, ведь каждое воспоминание той ночи отдается

во мне болезненной теплотой. Приятной, согревающей, но слишком болезненной. – Мне очень стыдно за это. Никогда не думала, что сделаю такое, ведь своими же глазами видела, сколько бед это приносит. Но то, что я узнала, каково это вообще – растворяться, исчезать и наслаждаться там, в постели – это бесценно. По крайней мере, теперь я знаю, что это наслаждение действительно существует и никакая не выдумка сумасшедших домохозяек.

– Я тебе завидую. Как же я тебе завидую и ещё миллионы таких же, как и я женщин, которые никогда не получали настоящего удовольствия от секса. Ой, не просто секса, а от целого космоса! Старания моего Паши по-прежнему ничего толкового не приносят. Кроме цистита.

Когда-то я страшно страдала этим недугом, что давал о себе знать каждый раз после близости с Димой. Тогда не было и месяца, чтобы я, содрогаясь от режущей боли, не металась в аптеку за антибиотиком. Помню, даже в четыре утра побежала!

– Так и что дальше? – прерывает мои воспоминания Ира. – Вы общаетесь или...

– Да. На самом деле я думала, что уже всё. Просто... Это такой странный момент был: я видела в его глазах разочарование и сожаление. Мне показалось, что он съел долгожданную шоколадку, а она у него вызвала тошноту.

– Началось! – протягивает моя подруга. – Самобичевание.
– Это не самобичевание, а правда. Жуткая и грязная прав-

да, с которой мне теперь приходится жить.

– Значит, ты сожалеешь о том, что между вами случилось?

Я молчу и вспоминаю голубые глаза. Мои любимые голубые глаза...

– Нет, – отвечаю я тихо и опускаю глаза на свои руки. – Я не жалею.

– Что между вами сейчас?

– Мы общаемся. Переписываемся почти каждый день и, наверное, может показаться, что нам уже и говорить то не о чем, но это не так. Мы смеемся, дурачимся, отправляем фотографии, смешные видео – всё как у близких друзей, понимаешь? Но иногда, особенно ближе к ночи, вспоминаются те несколько часов вместе.

– Тот волшебный и сказочный трах.

Я закатываю глаза и прикрываю улыбку рукой. Моя Ира... Такая Ира.

– Ну, вы то ещё увидите?

Отрицательно качаю головой и тянусь к кружке с холодным чаем.

– Нет. Во всяком случае я больше никуда не поеду. Потому что понимаю – это опасно и чревато последствиями.

– Например, снова попрыгать на красавчике-футболисте.

– Ира!

– Что? – веселится она. – У тебя такое лицо, словно ты совершила самую страшную ошибку в своей жизни! Ну, переспали и переспали! Ты же не собираешься трезвонить об

этом всему белому свету!

– Ещё чего.

– Вот именно! Улыбайся и радуйся, что в твоей жизни были эти минуты. Когда тебе крышу сносило от удовольствия и ты даже не задумывалась над тем, чтобы изображать из себя пылающую желанием любовницу! Я вот, например, делала это прошлой ночью. И позапрошлой. И ещё черт знает сколько раз. Так вы больше не собираетесь встречаться?

– Нет, – резко отвечаю я. Не хочу даже слабую толику надежды ощущать.

Ира пожимает плечами и подзывает к нам официантку.

– Зря. Раз вы в постели так идеально сошлись, значит, и в жизни должны. А можно нам повторить чай? – с улыбкой спрашивает она темноволосую женщину. – Мы с подружкой ещё не наговорились.

Глава 3

Чтобы не сойти с ума от желания вновь сделать то, что строго-настрого запрещается, я ударяюсь в работу. Читаю книгу за книгой, пишу рецензии и обещаю маме приехать домой в ноябре. Как раз наша бабушка прилетит в Сургут на операцию, так что будет не скучно. Каждую неделю встречаюсь с подругами, мы трещим о том о сем, потом я брожу по магазинам и покупаю всякую ерунду, в которой по сути не очень то и нуждаюсь. А всё почему?

С Кириллом мы всё больше и больше говорим по телефону. Каждый раз, когда слышу его мурлыкающий голос в трубке, по моему телу разносится электрический разряд. Если бы я осталась голой в какой-нибудь Антарктиде, то этот щекочущий чувства звук согревал бы меня сильнее самого теплого и не продуваемого костюма. Но, что самое удивительное и пугающее, от чего мне совестно даже перед самой собой – я страшно возбуждаюсь.

– Что ты сегодня взял с собой?

– Я приготовил пиццу и макароны с грибами и курицей.

Качественная такая паста получилась.

Качественная.

Качественная.

У меня сводит живот. Иногда я думаю, что он специально использует в своей речи это слово, чтобы у меня крыша тю-

тю делала.

– Здорово. Я бы попробовала.

– А я бы тебя накормил.

Я молчу и прикрываю динамик рукой, чтобы мое дыхание не было слышно.

– Мне кажется, что я постоянно думаю о тебе, – говорит Кирилл тихим голосом. – И мне нравится это делать.

Такие признания проскальзывают довольно часто. Как-то раз даже я сама позволила себе нечто подобное, потому что скрывать в себе любое желание, связанное с Кириллом, становится всё сложнее. Да и боль причиняет не слабую.

Собственно, болезненные ощущения вызывают и мысли о его беременной жене. Порой Кирилл делится со мной чем-то из их личной совместной жизни. Токсикоз начался, приглядывали детскую мебель в магазине, были на узи... Когда он говорит о ней я как будто ничего не чувствую. Для меня её образ стал каким-то косвенным что ли. Она есть и её словно нет. При этом я успеваю ощутить острейший укол вины перед ней, который чуть позже с легкостью уничтожится под натиском личных желаний и чувств, что вызывает во мне её собственный муж.

– Работа появилась, – говорит он мне тихим голосом. – В чат?

– Да, – не задумываясь отвечаю я и кладу трубку.

Чат.

Это место стало для меня той самой комнатой на втором

этаже просторной квартиры, где мы с Кириллом познавали друг друга. Именно здесь я могу позволить себе сказать то, что не смела бы произнести вслух. Надо сказать, что у Кирилла с этим проблем, кажется, нет. Он может озвучить всё, что ему придет в голову. Даже, если это так или иначе касается чего-то интимного.

«Спасибо тебе, что ты появилась в моей жизни. Я ведь тогда понимал это... Что наша встреча – не просто так. Ты ведь так понравилась мне».

«Твоя жизнь сейчас в сто миллионов раз сложнее стала, Кирилл. И ты знаешь, по вине кого».

«Да пусть хоть вообще неподъемной будет, я всё равно ни о чем не жалею. Просто, тот же взгляд у тебя... Я помнил только твой образ. Но, когда увидел тебя вновь, понял, что ничего не изменилось. Тот же я и та же ты».

Так, с каждым днем нашего общения, что становится всё более раскрепощенным, моя вина перед незнакомой мне беременной девушкой и вообще и перед всеми женщинами планеты, чьи мужья завели себе любовниц, сходит на нет. Себя же я ощущаю именно любовницей, но только в сети. Воспоминания о нашей близости постепенно превращаются в отголоски самого жаркого и откровенного сна в моей жизни. У меня нет никаких доказательств того, что наша с Кириллом встреча была самой настоящей. Мы даже не додумались сделать фото на память! И, поэтому, каждый раз,

когда наша переписка, так или иначе, начинает затрагивать тему секса, я питаю свои фантазии и желания именно образом Кирилла, что сформировался в моей голове благодаря самому короткому, не реальному, но огненному сну. Согласитесь, одна встреча на несколько часов – ничто для дальнейшего развития отношений. Реальных отношений! В нашем же случае отсутствуют и реальность и отношения, поэтому остаются только фантазии. Расчитывать на большее – не имеет смысла, ведь у каждого из нас совершенно разные жизни, протекающие в совершенно разных друг от друга направлениях. Я точно знаю, что впереди нет никаких перекрестков, что эти две дороги никак не встретятся, не пересекутся. И пока моя жизнь не ушла слишком далеко от его, я хочу немного помечтать.

За слишком короткое время я становлюсь настоящей любовницей в сети, что откровенно делится своими самыми смелыми фантазиями. Иногда мне становится до слез смешно: теперь я страшно хочу близости с мужчиной, но возможности к этому – зеро на палочке.

* * *

Смотрю на фотографии с матча, что отправил Кирилл: снегопад и его крепкая фигура в черном костюме. Я бы с ним каждую ночь сходила с ума и мне бы всегда было этого мало. – Что смотришь? – спрашивает меня Ваня и заглядывает

в мой телефон. – Кто это?

– Никто. Ты уроки сделал?

– Вообще-то да, – недовольно отвечает брат и с подозрением смотрит на меня. – Катя, кто это был? Я видел, там мужик какой-то стоял.

– Мужик – вжик-вжик. Завтра бабушку выписывают.

– Я в курсе! Так то, я с вами живу. Ну, серьезно! – не понимает Ваня и садится рядом со мной на диван. – Кто он? У тебя кто-то есть? Ты что-о-о-о! С кем-то встречаешься, а нам ничего не говоришь?

– Ни с кем я не встречаюсь! Надо больно. Так, знакомый фотку отправил.

Надо ли говорить, что за прошедшие полтора месяца коктейль из тупости, глупости, легкомысленности и какого-то грязного шлющничества, присыпанный крошкой горькой и терпкой вины перед всем, черт возьми, человечеством, составляет мой ежедневный рацион? Возможно, если бы Ира, знающая всю эту правду, хотя бы немного... Хотя бы чуточку попыталась вправить мои мозги – наверное, я бы не испытывала желания поделиться с кем-нибудь ещё подробностями своей странной и без сомнения мерзкой личной жизни, чтобы этот кто-то отвесил мне нехилый подзатыльник и отправил лечиться.

Мерзкой. Это слово относится исключительно к моему поведению. И, возможно, отчасти к поведению Кирилла. Но он не стал бы вести себя таким образом, если бы не я, так что

все шишки полагаются исключительно мне. Не будь меня, он бы по-прежнему спокойно жил себе поживал и был далек от статуса «негодяя-изменника».

– Мы ведь обещали, что будем рассказывать друг другу о таких вещах, – напоминает мне Ваня.

Я вздыхаю. Может, если я отчасти сообщу ему... Вдруг станет легче?

– Ты ведь помнишь его? – спрашиваю я, повернув к нему экран телефона.

Ваня присматривается, а потом его серо-зеленые глаза распахиваются в удивлении.

– Это он? Тот самый футболист?!

Я молча киваю.

– Офигеть! Как его... Кирилл, да?

– Да.

Ваня снова смотрит на фото.

– Ничего себе он здоровый! Это он тебе отправил?

– Да. Только не говори маме об этом.

– Почему?

– Ваня, – сдержанно говорю я, – просто не надо.

– ...Хорошо. А где он? В Тюмени живет?

– Нет, в Перми.

– А! Точно! И что? Вы общаетесь?

– Так, чуть-чуть, – лгу, не краснея. А потом выдаю то, что, как мне кажется, должно облегчить мое существование: – Он женат, если вдруг ты о чем-то там думаешь.

– Вот же блин! – восклицает мой брат тут же. – Жаль.

– Угу.

– И вы просто общаетесь?

– Да. Присылает мне ссылки на трансляции игр, фотки отправляет.

– И ты смотришь его игры?

– Да.

– Блин, Катя! Ты же знаешь, что я футбол люблю, почему мне ничего не говорила?!

– Да я как-то не думала...

– Теперь будешь, – заявляет Ваня. – А как вы общаться то начали?

– Да я уже и не помню...

Вру. Я помню теперь каждый свой день. А началось всё с той ночи, когда я поставила лайк к его фото.

Глава 4

В начале декабря меня накрывает. Ежедневная связь с Кириллом перерастает во что-то большее и пугающее. Я уже с трудом могу представить свою жизнь без этого чертового WhatsApp и его звонких колокольчиков, оповещающих о входящем сообщении. Меня всё больше сгрызает чувство вины, а от ощущения потери в груди разрастается огромная дыра, которую ничем не залатать. Каждую ночь мое воображение всё больше пугает меня и мне стоит не малых усилий, чтобы не сорваться и не сообщить Кириллу, что нашему общению пришел неминуемый конец. Будущее для меня в статусе любовницы в сети выглядит так: наша страстно-любовная переписка сойдет на нет в тот момент, когда Кирилл, наконец, осознает, что в скором времени станет отцом. Живот его супруги будет расти, напоминая ему каждый день о его обязанностях и мужском долге, и, когда к нему придет полное осознание этого, он больше не станет обращать внимания на девчонку, что видел всего два раза в жизни. На сегодняшний день я для него – всего лишь развлечение, что через несколько месяцев превратится в ничто.

И всё бы ничего, да вот только я сама не могу теперь жить нормально и спокойно. Я не могу представить, что однажды проснусь утром и не услышу его голос. Не буду знать, как его дела, как работа, как вообще жизнь протекает! Останут-

ся только его фотографии и тысячи страниц с нашей перепиской... А ещё эта тупая боль внутри, что начинает пульсировать всякий раз, когда я думаю, что по собственной глупости упустила *его*.

«Я скучаю».

Читать такое, всё равно, что кипятком больное горло заливать – на пару секунд становится легче, но потом боль возрастает во сто крат.

«Что будет дальше? С нами».

Некоторое время Кирилл молчит. Я понимаю, что вопрос застал его врасплох и вполне возможно вызвал раздражение, но пребывать в том статусе, в котором я нахожусь уже несколько месяцев, становится всё сложнее. Как морально, так и физически. И мне бы хотелось, чтобы он понимал это.

«Это сложно».

Не могу удержать в себе нервный смешок.

«Ясное дело».

«Почему ты спрашиваешь об этом?»

«А почему не могу по-твоему?»

«Я не говорил, что не можешь, я спросил, почему сейчас?»

«А когда?»

«Всё время вопросом на вопрос...»

«Мне сложно. Ты не на моем месте и навряд ли имеешь хотя бы смутное представление о том, что я чувствую».

«Ты правда так думаешь?»

«Правда. Я не знаю, что чувствуешь ты. Я не знаю, что это общение значит для тебя. По мне, так для тебя это всего лишь развлечение. Ты просыпаешься, едешь на работу и тебе есть, чем себя поразвлечь. Ты общаешься со мной, любишься фотографиями, позволяешь себе говорить мне комплименты и всё. Когда ты возвращаешься домой – встречаешься с реальностью. Я – виртуальная. А твоя жизнь – реальная».

Мне хочется ещё кучу всего написать, но я ставлю точку и отправляю сообщение. По правде говоря, я уже сама путаюсь... Чего хочу, о чем мечтаю... Единственное – точно знаю, о чем именно сожалею.

Мой телефон начинает вибрировать. Кирилл решает обсудить эту тему по телефону, а не в переписке...

– ...Да?

– Ты и впрямь думаешь, что ты и то, что между нами – развлечение для меня? – спрашивает он. – Думаешь, мне с тобой удобно время коротать что ли?

– Возможно.

Кирилл резко вздыхает.

– *Возможно. Возможно!* Катюш, о чем ты вообще? Знаешь, я в какой-то степени ненавижу эту переписку, потому что она не может передать всё то, что в моей голове, что я чувствую... И по телефону об этом не поговоришь. Нужен визуальный контакт, чтобы обсуждать то, что сводит меня

с ума иногда. Даже сейчас, я не знаю, как правильно объяснить всё...

– Не надо, – усмехаюсь я тихонько. – Я всё понимаю.

– Разве? Ты в этом уверена?

– А что здесь непонятного? Благодаря мне ты совершил ошибку. Теперь ты – нехороший, а я ещё хуже. И мы оба не можем оставить друг друга в покое, хотя, это очень надо сделать.

– Надо? Ты хочешь?

– Так будет правильно, Кирилл. То, что случилось, останется между нами и никто и никогда об этом не узнает. Но если мы будем продолжать в том же духе – многое разрушится. И самое главное – твоя семья. Я не хочу этого.

Кирилл долго молчит, а потом резко и очень громко вздыхает.

– Давай, обратно в чат. Я уже не один.

Молча отключаю вызов и накрываю ладонями лицо. Он прекрасно понимает, что мы совершили ошибку и по-прежнему это делаем. Я часто представляю, как Кирилл возвращается домой с работы и его с улыбкой встречает любимая и беременная супруга. Как она обнимает его, целует, интересуется делами, а потом уводит в спальню и на самых законных основаниях занимается с ним... любовью. Всё как надо, всё, как у людей. И она ни капельки не подозревает, что чуть меньше двух месяцев назад он был с другой и по сей день поддерживает с ней связь. Ира часто говорит, что я до тош-

ноты правильная. Не так давно она спросила меня, что между нами с Кириллом? Я сказала, что мы просто общаемся и как бы хорошо мне с ним не было, я не намерена рушить семью, продолжать, грубо говоря, соблазнять его и превращать по-настоящему хорошего парня в редкостного кретина.

– Если бы он не захотел спать с тобой, он бы этого не сделал! Он бы даже не пришел к тебе. Но он это сделал. Черт, Катя, хватит беспокоиться о других! У них своя голова на плечах есть и они сами способны решить свои проблемы. Да, вы оба в этой ситуации – не красавцы. А Кирилл тем более, учитывая, что его жена беременна и вообще с их свадьбы даже полгода не прошло. Но такое случается. Господи, да всякое в жизни случается! Ты и сама вышла замуж не за того человека и вам обоим понадобилось несколько лет, чтобы понять это. Может, у Кирилла сейчас то же самое.

«А ведь он проживает вашу жизнь. Только вы его опережаете на пару лет».

– Думай о себе. Я знаю, какая ты ответственная, правильная и вообще придраться не к чему, но случилось и случилось. Этот момент между вами потянет за собой новые ниточки и да, наверное, теперь ваши жизни изменятся. Но быть может так тому и быть? Для всех хорошим быть невозможно. И в таких ситуациях, как у вас, всегда кто-то страдает. Невозможно, чтобы абсолютно все были счастливы. А проблемы... Катя, они все решаемы.

Слова Иры и астролога не желают покидать мою голову.

Чувство вины давит на меня настолько, что как-то раз я поймала себя на мысли, что хотела бы вернуться на пару лет назад. Где я была просто вредной женой... Однако в ту же секунду, как моя память воспроизвела секс с Димой – нет! Лучше я буду жить здесь с тяжелой виной на плечах и пытаться как-то исправиться...

«Думаю, нам нужно остановиться. Как бы я не желала говорить с тобой, общаться, голос твой слушать – мне тяжело. Я всё время думаю о том, что пытаюсь лишить уже двух людей дорогого им человека. И один из них с тобой уже много лет. Каждый день чувствую себя такой мразью, что... Ты понимаешь меня?»

«Понимаю. Не называй себя так, пожалуйста.»

«Кирилл! Это так!»

«Ладно, тогда, кто я по-твоему? Кто я в этой ситуации?»

«А я и не говорю, что ты белый пушистый. Мы с тобой оба хороши. Разве ты не понимаешь этого?»

«Черт! Да я каждый день об этом думаю, Катя!»

«Тогда, почему ты не говоришь об этом?»

«О том, что я чмо последнее? Что «козел» – это мягко сказано? Я это всё знаю. ЗНАЮ! Но, даже, если бы у меня появился шанс изменить всё – я бы не воспользовался им. Нам нужно встретиться и поговорить с глазу на глаз. Мне есть, что сказать тебе.»

«Аналогично. У меня очень много мыслей и жела-

ний, но я не могу позволить себе поделиться ими с тобой. Однако не уверена, что нам нужно встречаться».

«Почему?»

«Ты не догадываешься?»

И вновь наступает продолжительное молчание. Конечно! Что тут скажешь, когда и так ясно, чем может вновь закончиться наша встреча. Даже сейчас, стоит мне на секунду представить, что вот он стоит напротив и я могу дотянуться до него рукой – сердце с грохотом обрушивается в пропасть. Я как будто уже ощущаю его особый запах, отключающий здравый смысл. Всё, чего я хочу в этот момент – *его*.

Нет, нам нельзя встречаться. Это усугубит и без того кошмарное положение, в котором мы оба находимся.

«Я приеду. В середине декабря».

Теперь мое сердце подскакивает к самому горлу и затрудняет дыхание.

«А я буду ждать».

*** * ***

– Значит, он придет к тебе через пять дней, – с улыбкой повторяет Ира. Мы заходим в магазин посуды, где я надеюсь купить красивые синие бокалы для мамы. – У меня сейчас так дыхание перехватило, словно это ко мне парень едет, с которым у меня будет сумасшедший секс!

– Ничего не будет.

– Ой, ну да!

Я останавливаюсь и с самым серьезным выражением лица смотрю на веселую подругу.

– Я серьезно: ничего не будет.

– Секса не будет, секса не будет, – напевает себе под нос Ира и двигается дальше – к дорогой посуде с новогодним рисунком. – Не тупи! Оторвись, как следует.

– Ира...

– Что *Ира*? В кои то веки нашла своего человека по всем параметрам и начинает нюни распускать! Не хотел бы ехать к тебе, не ехал бы! Думаешь, в его голове есть только одно желание – поговорить с тобой? – усмехается она. – Ага, как же. Сначала, он намерен хорошенько отодрать тебя, а уже потом...

– Ира! – громко восклицаю я. Да так, что некоторые покупательницы рядом дергаются от неожиданности. Почувствовав себя глупо, я беру свою шибко разговорчивую подругу под руку и с деланной улыбкой тихонько говорю: – Прошу тебя, хватит говорить об этом в таком ключе... Ты даже не представляешь, как мне совестно за эту связь. Возможно, случись это с кем-то другим, то я бы так же весело посмеивалась, но сейчас я не могу себе этого позволить. Даже, если это действительно в какой-то степени по-настоящему забавно. Не могу.

– Но ты ведь думаешь об этом? – шепотом спрашивает меня Ира.

– Да, – честно отвечаю я, чувствуя болезненные укусы совести. – У меня мысли, как у озабоченной какой-то. И мне это вообще не нравится.

– Правда? – усмехнулась она. – Таки не нравится думать и воображать, как всё будет? Ой, не вздыхай так! Ты об этом парне, как оказалось, думала всю свою взрослую жизнь, и теперь у тебя появилась возможность стать ближе к нему. Разве это не классно?

– Нет. Да... Нет! И ты сама знаешь, почему. Я безумно хочу увидеть его, потому что у меня вот здесь в груди что-то потрескивать начинает и это так...приятно. Как будто именно этого мне и не хватало, понимаешь?

– Понимаю. Как и качественного секса.

Качественный.

Я вздыхаю и разворачиваюсь на пятках. Это слово уже давно стало для меня особенным.

– Катюш, ну ладно тебе! Просто хочу, чтобы ты расслабилась и не грузила себя! Если ваша связь ничего хорошего тебе не приносит, тогда обрывай её. А если у тебя в груди что-то потрескивает – наслаждайся. По полной программе... Поверь, миллионы неудовлетворенных женщин забросали бы тебя помидорами за то, что ты так вредничаешь!

– И еще пятнадцать миллионов забросали бы меня камнями за то, что я связалась с женатым мужиком.

– Тогда в ответ на это семь миллионов несчастных женщин, сделавших неправильный выбор, но понимающих, что

уже ничего нельзя изменить – облили бы их кислотой, чтобы хрень не несли и катились колбаской в свою гребаную правильность!

– Господи боже, какая ты кровожадная.

– Приходится такой быть, когда дотошные девицы вроде тебя глупо полагают, что честность от и до сделает их счастливыми! В этом мире нужно быть хорошей девочкой с легкой дымкой сучковатости.

Я улыбаюсь и аккуратно беру в руки тот самый синий бокал.

– Такая, как я, влезла в отношения твоих родителей и моих. И кому это принесло счастье, Ира?

Мой телефон в кармане шубы начинает звонить. Ира закатывает глаза от раздражения и отмахивается. Наверное, своим нытьем я её очень достала.

– Привет, мам, – говорю я в трубку. – Знаешь, где я?

– Привет. Нет! – восклицает она заинтригованно.

– В том магазине, где продаются синие бокалы. Помнишь, я тебе показывала?

– А! Да-да, помню.

– Куплю их тебе сейчас.

– Да ну что ты, не надо...

– Надо! Я знаю, что они тебе очень понравились. Как у вас дела?

– Да потихоньку. Еду вот домой. Была в клинике, потом поехала в магазин скупилась немного. Думаю, сегодня кар-

тошку с мясом в духовке сделать на ужин.

– Я тоже хочу.

– Так приезжай. Кстати, у меня новость.

Когда я слышу это слово, то на ум приходит только самое нехорошее.

– ...Какая?

– Завтра папа в Тюмень прилетит, – сообщает мама. – Поедет потом в Екатеринбург заключать договор с одной фирмой.

Папа в Тюмень.

Кирилл в Тюмень.

Папа ко мне.

Кирилл ко мне.

– Мм... – протягиваю я, в ужасе хлопая глазами. – А на сколько? Когда обратно?

– До тридцатого декабря. Он дня на два в Екатеринбург, а потом вернется. Ты рада? – засмеялась мама. – Ты когда к нам прилетаешь?

– ...Двадцать восьмого.

– О! Уже через недельку! А я всё думаю, когда нам...

Черт...

Кирилл уже купил билет и будет здесь двадцать пятого. Как и папа. Черт! Ни о каком знакомстве и речи быть не может, собственно, как и о какой-нибудь случайной встрече...

– Что такое? – шепчет Ира, глядя в мое обескураженное лицо.

Я слышу голос мамы в трубке и отчаянно пытаюсь сообразить хоть что-то, чтобы спасти долгожданную встречу с Кириллом, которую ДА, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, я жду с замиранием сердца!

– А я тут уезжаю! – бросаю я первое, что приходит в голову. – Сегодня ночью. Всё так быстро случилось...

– Куда это?

– В Пермь! Ира пригласила к бабушке своей... – Глаза Иры стремительно лезут на лоб. – На два дня всего лишь. Её бабушка очень обижается, что она не приезжает к ней, а Ире там всегда очень скучно, так что она пригласила меня и я согласилась. Вот. Мы сегодня ночью едем. На поезде.

– Ого. Надо же, ну езжай! Развейся. Только сообщай мне, где ты и как, хорошо?

– Конечно, мама.

– А во сколько поезд?

– ...В половину первого ночи. У папы же есть ключи от квартиры?

– Да, есть. А обратно когда?

– ...Так через два дня. Ира брала билеты.

– Обязательно фотографии сделай там! И магнитик купи. Вот же черт...

Опять эти долбаные фотографии.

– Мне одной кажется, что это чертовски глупая идея? – бурчит Ира, оглядывая свое отражение в зеркале. – И почему роль бабки досталась именно мне?

– Потому что я делаю селфи для своей мамы. Лучше поправь свой огромный зад и согнись, как старуха.

Ира недовольно вздыхает, но делает так, как я сказала. После телефонного разговора с мамой, мы поехали к ней домой и теперь занимаемся сущей ерундистикой. Всё для спокойствия моей мамы.

– Видела бы меня моя бабушка сейчас. Если что, она у меня не такая страшная, какой я пытаюсь изобразить.

– Стопудова, – улыбаюсь я. – Так, а теперь делай вид, что занята чем-то на кухне.

Я понимаю, что всё это – дурацкая затея. Но также, я понимаю, что мне определенно нужны будут доказательства, ибо в нашей семье без этого никак. Без них на меня посыплются слишком много вопросов, а у меня нет желания на них отвечать.

– Ты Кириллу то сообщила, что приедешь завтра утром? – спрашивает меня Ира, стягивая с себя старушечий образ.

– Вот пишу... Ему нужно билет сдать как можно скорее, чтобы деньги вернули. Да и... Планы подкорректировать.

«Кирилл, тут такое дело... Пожалуйста, сдай биле-

ты. Я выезжаю сегодня ночью и завтра утром буду в Перми. Квартиру сняла ту же. Повезло, что именно эти два дня она свободна... Объясню всё потом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.